

Шейпак Светлана Александровна

МЕСТА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ

В статье на примере романов "Французская жизнь" Жан-Поля Дюбуа и "Неосознанность" Тьерри Эсса анализируются жанровые особенности разновидности современного семейного романа, которую французские критики назвали "roman de filiation". В статье показано, что к этим романам может быть применена разработанная Пьером Нора концепция "мест памяти". Благодаря рекурсивному эффекту (mise en abyme), сам роман, его нарратор и созданное им пространство воспоминаний становятся "местами памяти", связанными воедино повествованием. Это позволяет, следуя Полю Рикеру, говорить о том, что в романах формируется одновременно личная и национальная идентичность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 196-201. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

7. **Рахманов Т. Я.** Типологические особенности сюжета «Чудесные дети» в сопоставительном освещении (узбекские и русские сказки): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1990. 24 с.
8. **Славянские древности этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого.** М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 656 с.
9. **Сравнительный указатель сюжета. Восточнославянская сказка** / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.
10. **Узбекские сказки** [Электронный ресурс] // Много-сказок.рф. URL: <http://много-сказок.рф/Skazki/uzbekskie-skazki/> (дата обращения: 01.04.2013).
11. **Хусанова Г. Р.** Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.: Наука, 2000. 247 с.
12. **Aarne A., Thompson S.** The Types of the Folk-tale: A Classification and Bibliography. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1928. 279 p.
13. **Aarne A., Thompson S.** The Types of the Folk-tale: A Classification and Bibliography Antti Aarne's. Verzeichnis der Märchentypen / translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.
14. **Aarne A., Thompson S. Uther H.** The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia Academia Scientiarum Fennica, 2004. Part 1. 619 p.
15. **Dawkins R. M.** Modern Greek Folktales / chosen and translated by R. M. Dawkins. Oxford: Clarendon Press, 1953. 491 p.
16. **El-Shamy H. M.** Folktales of Egypt. Chicago: University of Chicago Press. 1980. 406 p.
17. **Jacobs J.** Indian Fairy Tales. N. Y.: Dover Publications, 1969. 255 p.
18. **Lang A.** The Pink Fairy Book. N. Y. – London – Bombay: Dover Publications, 1904. 360 p.
19. **Sampson J.** XXI WELSHGYPSY Folk-Tales / collected by J. Sampson. Newtown – Montgomeryshire – Wales: The Gregynog Press, 1933. 108 p.
20. **Seki K.** Folktales of Japan. USA: University of Chicago Press, 1963. 222 p.
21. **The Book of the Thousand Nights and One Night** / rendered into English from the literal and complete French translation of Dr. J. C. Mardrus by P. Mathers. London – N. Y.: Routledge, The Guernsey Press CO, 1993. Vol. 3. 569 p.
22. **Thompson S.** Tales of the North American Indians / selected and annotated by S. Thompson. Bloomington: Indiana University Press, 1966. 432 p.

**HEAVENLY LIGHTFUL BEAUTY FORMULA OF CHILDREN FROM FABULOUS PLOT 707
WONDERFUL CHILDREN AS THE MOST STABLE, TYPICAL ELEMENT OF POETICS**

Khemlet Tat'yana Yur'evna
Moscow Pedagogical State University
Tatiana.y.hamlet@gmail.com

The article presents the comparative analysis of heavenly beauty formulas of children from fabulous plot 707 Wonderful Children. The variants of children's heavenly artistic appearance in many traditions are considered. Particular attention is paid to the issue of a historically new content of the motive of lightful kids' birth, when the lightful formula of beauty is replaced by the epithets "beautiful", "wonderful", and wonderful children are endowed with extraordinary talents.

Key words and phrases: fairy tales; fabulous plots; variants; versions; motives; beauty formula.

УДК 821.133.1-93

Филологические науки

В статье на примере романов «Французская жизнь» Жан-Поля Дюбуа и «Неосознанность» Тьерри Эсса анализируются жанровые особенности разновидности современного семейного романа, которую французские критики назвали «roman de filiation». В статье показано, что к этим романам может быть применена разработанная Пьером Нора концепция «мест памяти». Благодаря рекурсивному эффекту (mise en abîme), сам роман, его нарратор и созданное им пространство воспоминаний становятся «местами памяти», связанными воедино повествованием. Это позволяет, следуя Полю Рикеру, говорить о том, что в романах формируется одновременно личная и национальная идентичность.

Ключевые слова и фразы: семейный роман; места памяти; нарративная идентичность; самость; самоотраженность.

Шейпак Светлана Александровна, к. пед. н., доцент
Российский университет дружбы народов
svetlana.sheipak@gmail.com

МЕСТА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ©

Выстраивая таксономию современного романа, Доминик Виар называет романы, в которых рассказчик в поисках собственного Я стремится включить в повествуемый мир не только историю своей жизни,

но и жизни своих предков, «*romans de filiation*» [22, p. 93]. В русской традиции для перевода «*roman de filiation*» существует лишь «*семейный роман*».

Но в исследовании, специально посвященном «*roman de filiation*», Ларан Деманз отмечает, что, став, условно, продолжением семейного романа, он приобрел существенные отличия, связанные, по его мнению, с экзистенциальным одиночеством, которое испытывает рассказчик, лишившийся в эпоху постмодернизма одновременно *Семьи* и *Истории* [12, p. 13]. Несмотря на общий для двух типов романа вопрос ищущего себя человека, который он с тревогой адресует семейному прошлому, в «*romans de filiation*» этот вопрос задан из настоящего, что нарушает хронологию повествования. Когда точкой отсчета становится не предок, а ныне живущий, повествование теряет линейную направленность из прошлого в будущее. И никто более не ждет из прошлого ответа на поставленный вопрос. Теперь, обращаясь к семейному прошлому, рассказчик его отвергает, он отказывается от завещанного ему наследства. Но воскрешая призраки прошлого, затерянные в его памяти, он вновь, по крупицам создает свою собственную идентичность. Растерянный, он пытается восполнить пробелы, как будто именно утраченное преследует его в его настоящем. Он стремится освободиться от того плена прошлого, о котором писал Фернан Бродель: «Человек, в конечном счете, находится сам у себя в плену, поскольку он наследует и продолжает дела, поступки и свершения, навыки и предания тех, кто до него жил на его земле и формировал ее облик» [4, с. 230].

«Человек-память» и «места памяти»

Однако рассказ о семейной истории может одновременно создавать и историческую перспективу повествования. Такие романы как «Французская жизнь» Жан-Поля Дюбуа [14] и «Неосознанность» Тьерри Эсса [15], которые можно было бы отнести к «*romans de filiation*», выходят за рамки личностного поиска, очерченные Виаром и Деманзом. Действительно, в их повествование рассказчик, помимо своей собственной, включает другие семейные истории, что способствует не просто расширению повествовательной панорамы, но и удалению перспективы, характерной, по мнению Виара, для таких романов. Это дает рассказчику возможность проникнуть в глубины собственного Я.

Но вместе с тем в этих романах семейные истории вписаны в один и тот же исторический контекст послевоенной Франции. Следуя французской историографической традиции XX века, Дюбуа и Эсс выводят на сцену тех, кто раньше был «немым свидетелем» истории, кого Марк Блок называл «свидетелями поневоле» [11, p. 18]. В конце XX века, когда, как утверждает историк Пьера Нора, больше не работает модель «история-память», то есть официальная история, история навязанная Государством, взявшим на себя ответственность за формирование национальной памяти, скомпрометировала себя ложью и оказалась бессильна одновременно перед лицом прошлого, настоящего и будущего [19].

На смену «истории-памяти» приходят бесчисленные воспоминания тех, чьи голоса раньше не были слышны за официальными речами, и кто теперь рассказывает о пережитом. Отныне, утверждает Нора, когда память перестала существовать как социальная практика, она стала делом личным. Изменились механизмы, управляющие памятью и определяющие отношение каждого с прошлым, и долг памяти непреложным образом возложен на каждого. В эпоху, когда институциональная память утрачивает свое значение, каждый должен принять решение помнить. То есть стать, по выражению Нора, «человеком-памятью», которого внутренний голос призывает вспоминать. А его свидетельство становится «следом в истории», который тем более значим и ценен, подчеркивает Поль Рикер, что он не создается специально для изучения его историком, а лишь является знаком, существующим здесь и сейчас, знаком, задающим направление поиска того, кто в прошлом этот след оставил [21, p. 225]. Рассказчик же становится, по выражению Пьера Нора, «местом памяти» [19] и спасает от забвения все то, что достойно с его личной точки зрения воспоминания в семейной и коллективной истории.

Насколько достоверны и правдивы такие воспоминания? Такой вопрос, считает историк Франсуа Досс, несмотря на очевидную субъективность свидетельств-воспоминаний, снимается благодаря их подлинности [13]. Из этих рассказов выстраивается совершенно иная, «вторичная история» (*histoire au second degré*) [19], «история памяти», в которой важны не причины событий, а последствия, не события, удержанные в памяти и официально празднуемые, а те следы, которые они оставили в настоящем, и те изменения, которые со временем претерпела их оценка в обществе, не традиции, но способ их формирования и передачи [18]. Эти важные для «истории памяти» разнородные объекты, имеющие материальное, функциональное и символическое воплощение, Нора называет «местами памяти». Он подчеркивает, что возможность благодаря воспоминаниям связать в единую сеть эти сущности различной природы, бессознательно присутствующие в коллективной памяти, и сознательно включить их в национальную историю значительно важнее их строгой типологии, которая будет затруднена рекурсивным эффектом (*mise en abîme*). В результате сам роман, его нарратор и созданное им сложное пространство воспоминаний – они все становятся «местами памяти», связанными воедино в повествовании [19].

Повествовательная идентичность: личная и национальная

Рассказчики в романах Дюбуа и Эсса как символические «места памяти» в ходе повествования воссоздают свою историю и историю страны. Само повествование, таким образом, становится воплощением концепции повествовательной или нарративной идентичности, которую Поль Рикер развивает в работах «Я-сам как другой» и «Время и рассказ» [7; 21]. Для Рикера ключевым является понятие идентичности, выстраиваемой через повествование, независимо от того, идет ли речь о личной или национальной идентичности. Чтобы устремление в будущее могло использовать те силы, которые остались неизрасходованными, скрытыми

в прошлом, считает Рикер, необходимо особое время, рождающееся на пересечении мира истории и мира вымысла [21, р. 445]. Разворачивая во времени повествование, рассказчик постоянно видоизменяет свой рассказ, будь он правдивым или вымышленным, и таким образом создает в ходе повествования две идентичности, личную и национальную. Они обе с точки зрения Рикера синонимичны повествовательной идентичности, поскольку повествуемый мир позволяет освободиться одновременно личной и коллективной национальной памяти от того, что искажено, что замалчивалось, и наоборот, обрести то, было потеряно. Рассказчик, по выражению Рикера, постепенно узнает себя в истории, которую он себе рассказывает о самом себе.

Почему так важна для Рикера повествовательная идентичность? Как он утверждает в работе «Я-сам как другой», интерпретация собственного «Я», необходимая для самопонимания, наиболее полно осуществляется в повествовании через диалектику самоидентичности и самости, «имплицитно содержащуюся в понятии нарративной идентичности» [7, с. 143]. Идентичность персонажа создается в повествовании, как подчеркивает Рикер, даже если рассказ является лишь размышлением о прошедшей жизни, поскольку персонажи в своих размышлениях ориентируются к своему смертному будущему, что позволяет Рикеру говорить о единстве нарративной жизни, устремленной из прошлого в будущее. Таким образом, повествование становится частью жизни, в которой персонаж должен отказать от самоидентичности (*mêmeté*), понимаемой как постоянство характера, во имя сохранения «Я-сам», именуемого самостью (*ipséité*). Самоидентичность персонажа противоречит динамике разворачивающегося во времени рассказа о событиях его жизни, в то время как самость означает способность персонажа к тем изменениям, которые позволяют ему нести ответственность за свои поступки, оставаться верным данному себе в ходе повествования слову. Именно такое сохранение Я в самости персонажа, задаваемое самим ходом повествования, его интригой, утверждается Рикером как его нарративная идентичность [Там же, с. 148].

Национальная идентичность у Дюбуа и Эсса

Проблема национальной идентичности в двух романах решается одинаково в рамках рикеровской концепции, но к выбору «мест памяти» Дюбуа и Эсс подходят совершенно по-разному.

Особенностью повествования во «Французской жизни» становится намеренное соотнесение истории одной семьи со сменой президентских мандатов в период V-ой Французской Республики. Главы романа вписаны в ось времени, заданную президентскими выборами, которое, по определению Рикера в исследовании «Время и рассказ», можно было бы назвать календарным временем V-ой Республики. События личной жизни оказываются, таким образом, соотнесенными с регулярно возобновляющимся предвыборным ритуалом, задающим ритм и космологизирующим прожитое время, «вписывая повествовательное время в мировое время» [21, р. 197]. Зачем автору потребовалась такая хронологизация?

Ответ на этот вопрос можно начать с анализа заглавия романа «Французская жизнь» (*Une vie française*). Стилистическое употребление неопределенного артикля превращает относительное прилагательное в эпитет, что создает эффект эпического, которое, по определению Г. К. Косикова, выражается в «субстанциальном слиянии свободного и самостоятельного индивида с идеалами, ценностями и судьбами коллектива» [6]. Уникальная семейная история становится воплощением национальной судьбы в период V-ой Республики.

Предвыборная ось времени нужна, чтобы создать «абсолютное прошлое» время, которое, по М. Бахтину, характерно для эпического повествования [2]. Время, хронологически связанное с индивидуальным миром персонажей, но одновременно отчужденное неизменной иронией, с которой в конце каждого мандата герой романа Поль Блик подводит итог семейной и политической истории. Проводя параллель между миром политики и миром его семьи, он подчеркивает, что они настолько далеки друг от друга, что политический может восприниматься как эпический мир. По определению М. Бахтина, это «мир "начал" и "вершин" национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир "первых" и "лучших"» [2, с. 456]. В романе предвыборная ось времени как раз и задает эти «начала» и «вершины», а политикам отведена роль «отцов». А себя и мир своей семейной истории благодаря постоянному ироническому дистанцированию рассказчик как бы «изъёмлет», по выражению Бахтина, из мира политического [Там же, с. 457]. Но в конце романа ирония уступает место безжалостному приговору, которым нарратор отрицает лингвистически мир политики и, тем самым, уничтожает его идеологически (*l'impolitique absolue, l'adémocratie flamboyante*) [8; 14, р. 398]. С точки зрения рикеровской концепции коллективной идентичности [7, с. 148], выстраиваемой в повествовании, в которой основными являются верность своему слову и осознание своей ответственности, этот приговор равносителен нарративному уничтожению этого мира. Он изымается, таким образом, из коллективной памяти. На смену героической патетике прославления демократии приходит, по утверждению социолога Ж. Липовецки, пародия демократии постмодерна, карикатура политической борьбы [16, р. 190].

В романе Эсса политическая история уступает место рассказу о социальных переменных, тех же, впрочем, что описаны во «Французской жизни», что подчеркивает их значимость для послевоенной Франции. Речь идет о разорении семейных предприятий, созданных в до- или послевоенный период, в которых дух взаимопомощи ценился превыше всего, на смену которым в последнее десятилетие приходят обезличенные многонациональные корпорации. Такова судьба страховой компании Данте Дзацце из романа Эссе, итальянца, иммигрировавшего в Эльзас. Она воплощала дух минувшей эпохи, когда жители Меца знали друг друга в лицо и готовы были выручить соседа, попавшего в беду. Передав правление сыну, Данте Дзацца видит, как сначала ради сохранения компании тот вынужден сначала ее приватизировать, а затем согласиться на слияние с крупным люксембургским банком, которое приводит к неизбежному увольнению сотрудников. Тема утраты семейного бизнеса значительно острее стоит во «Французской жизни». Анна, *homo economicus*,

выбравшая себе в молодости кумиром Адама Смита, в фирме, также унаследованной ей от отца, видит лишь строки финансовых отчетов. Отдав всю жизнь погоне за прибылью, в итоге, повинувшись капризу, она не только разоряет детище своего отца, но и свою собственную семью, обрекает на безработицу бывших сотрудников. Она так торопится предсказать конец Истории, что погибает сама.

Интересно отметить, что если официальные цифры говорят о подъеме французского семейного бизнеса [17, p. 108], то оба романа свидетельствуют об обратном, о горечи от разорения и потери семейных предприятий. То есть коллективная память хранит вовсе не то, о чем рапортууют оптимистичные цифры социологических опросов.

Личная идентичность у Дюбуа и Эсса

О возрождении мифа в ироническом как об одном из повествовательных модусов писал в «Анатомии критики» Нортроп Фрай, предлагая рассматривать отдельные современные романы как современную ироническую мифологию, в частности, как комментарии к книге Иова с введением современных трагических героев [10]. Поль Блик из «Французской жизни» и есть одна из современных иронических инкарнаций Иова. Подобно библейскому персонажу Поль Блик, повинувшись игре случая, а именно так Фрай характеризует трагическую иронию, к пятидесяти годам теряет в своей жизни все – жену, дочь, профессию, состояние, дом. Свои потери Поль, который, впрочем, не видит смысла в молитве, так как ее никто не услышит, переживает с величайшим смирением и терпением. В последней сцене романа он стоит в Пиренеях, на вершине мира – по его собственному выражению, на краю бездны, обняв потерявшую разум дочь, которая напоминает ему засохшее дерево. Таким образом, в этих заключительных строках романа появляются еще два мифологических сюжета.

Архетипический образ Мирового Древа (*Arbre du monde*) обыгрывается в романе двояким образом [9]. Созданный Полем фотоальбом «Деревья мира» (*Arbres du monde*) принес ему мировую известность и огромное состояние, а он сам не раз сравнивается на страницах романа с деревом, причем в тексте метафорически упоминается вся вертикальная троическая структура дерева, значимая в мифологии многих культур: корень, крона и ствол. «Человек-ствол», так после публикации его альбома журналисты назвали самого Поля. В мифологии этот архетип служит связующим звеном между вселенной и человеком, он символизирует «целостный взгляд на мир, определение человеком своего места во вселенной». Также его троическая вертикальная структура связывается с идеей преемственности поколений. Но стоя на вершине горы, Поль ощущает свое экзистенциальное одиночество. Вспомнив в этот момент своих близких, он не ждет от них помощи. Именно этот мотив отчуждения, с точки зрения Виара и Деманза, отличает «roman de filiation» от традиционного семейного романа. Развершаяся у его ног пустота – символ современного мира индивидуализма, по утверждению Ж. Липовецки, в котором иллюзорными становятся даже отношения с самыми близкими людьми [16, p. 18].

Если Мировое древо может быть расценено как универсальный концепт, трансформирующийся в «мирового человека» или «дерево жизненного пути», в поисках которого остановился Поль, то вопрошание судьбы на Пиренейских склонах, повернувшись спиной к «Милой Франции», а лицом к Испании, – это национальный эпический мотив. Как и его эпический предок, Поль один предстоит и своим воспоминаниям о том, как он уже однажды здесь был с родившимся в этих местах дедом за несколько дней до его смерти, и тревогам о будущем дочери, единственной нити, связывающей его с этим миром. В этом замкнувшемся круге семейной истории он, обуреваемый сомнениями, ощущает одновременно и мимолетность своего земного существования, и свою ответственность в рикеровском смысле не только перед тяжело больной дочерью, но и уже умершими родными. Поль, как это и предполагал Рикер в своих философских построениях, последовательно выстраивает свою нарративную идентичность по ходу повествования, критически, а часто и иронически, оглядывается на прожитую жизнь в конце каждого президентского мандата, как бы подводя ей каждый раз итог [20].

Примечательно, что хранительницей национального наследия в романе, традиционно для французской культуры отождествляемого с французским языком, становится еще один архетипический образ, мать Поля, которая не только скрупулезно вычитывает писательские рукописи, но и свои предвыборные пристрастия ставит в зависимость от способности кандидатов изъясняться на правильном французском языке.

Рассказ о жизни Вильгельма Фогельгезанга и его двух сыновей в романе Тьерри Эсса – это также рассказ о создании личной идентичности. Путь, который смог пройти лишь один из братьев Маркус, Карлу не удалось завершить. И поскольку повествовательная идентичность, по Рикеру, тождественна личной идентичности, роль рассказчика в романе отведена в основном Маркусу, будь то повествование от первого лица, несобственно-прямая речь или свободно-косвенный дискурс [5]. История Карла, который с первых страниц является полной противоположностью брату, это история, рассказанная без его участия. Карл ненадолго обретает право стать повествовательной инстанцией только после того, как решает отказаться от прожитых сорока восьми лет и начать жизнь заново. Его попытка обречена на неудачу, хотя за неудачника сначала можно было бы принять его брата, сбежавшего из семьи, скитавшегося по всему свету без денег и образования, не готового взять на себя не только роль отца, но даже просто взрослого человека. Однако его роль нарратора позволяет увидеть процесс его взросления. Выстраивая свою повествовательную идентичность, Маркус становится не просто человеком рассказывающим, но постоянно вопрошающим себя и тот мир, который он пытается постичь, и в конечном итоге готовым любить и нести ответственность за себя и свою будущую семью.

Маркус осознает родной дом, даже если он оттуда в восемнадцать лет сбежал, чтобы никогда больше не вернуться, как наследие, завещанное ему временем, счастливо прожитым там всей семьей, от которого он не имеет права отказаться. Этот старинный эльзасский дом с вековой историей, воплощение мечты его отца, для него «место памяти», которое не имеет денежного эквивалента, для него это мир в миниатюре.

Тема дома рефреном звучит и во «Французской жизни», где отвергается идея дома как символа финансового успеха, и создается образ родного, родительского дома, живущего семейными воспоминаниями и защищающего от любых жизненных невзгод.

Самости Маркуса в романе Эссе противопоставлена самоидентичность Карла. Его история – это история человека, который, играя в любящего отца семейства, успешного в своей профессии, не в состоянии осознать своей собственной жизни, что объясняет название романа «Бессознательность». Начав в детстве с самообмана, когда он придумывает грехи, в которых нужно раскаяться, чтобы не нарушить спектакль, разыгранный матерью, Карл станет жертвой обмана, который приведет его к трагическому концу. Притворство, им самим неосознанное, не позволяет ему обрести повествовательной идентичности. Его воинственная речь, удивившая брата, знак внутреннего конфликта человека беспомощного, который не может нести ответственность и оставаться верным самому себе и своему слову. Карл, не осознавая того, последовательно отказывался от своей идентичности, в рикеровском смысле: и когда торопился продать дом отца, в котором сам вырос, и когда изменил свою фамилию *Vogelgesang*. Он считал, что стирает неудобные воспоминания, а на самом деле он срубил то дерево, плодом которого он был. Родители ему с детства повторяли немецкую поговорку (*Den Vogel erkennt man an Gesang*), связывающую два корня его фамилии, которую в тексте переводят не дословно, а библейским *Дерево по плодам его познается*. Разрушив связь поколений, в своей новой фамилии он оставил лишь один корень (*Vogel*), уничтожив второй (*Gesang*). Последние строки романа лишь подтверждают мысль о том, что Маркус, чья фамилия, в отличие от Карла, в романе никогда не упоминается, сохранит верность семейной истории. Он уберет на чердак ненужные вещи из старого отцовского дома и воспользуется ящиком с инструментами отца, чтобы строить свою жизнь дальше.

Тема смерти неизбежна в повествовании об идентичности, поскольку человек выстраивает свою жизнь в зависимости от того, как он относится к смерти. Но это не «смерть перевернутая» (*la mort inversée*), как обозначает Филипп Арьес смерть, которую в современном мире стремятся устранить, исключить, изгнать из жизни [1]. Старики Фогельгезанг и Дзацца, мать Поля, дожив до тех лет, когда тело уже настолько плохо слушается своего хозяина, что тот, глядя на себя, удивляется «Как только все это еще держится вместе!» [15, р. 143], остаются в мельчайших деталях верными себе, всей своей прожитой жизни, уход из которой не может их не пугать, как пугает неизвестность, но они ждут ее с мудрым смирением. Смерть одного из сыновей, которая постигает обе семьи, это иная смерть, одна от болезни, другая от несчастного случая, которые, по Бодрийяру, должны восприниматься в современном мире «в порядке вещей». И чтобы ее принять и пережить, обе семьи совершают необходимую по Фрейдю «работу скорби», которая не вытесняет смерть из их жизни, а позволяет им с ощущением утраты жить дальше, поскольку иначе их жизнь оказалась бы лишь доживанием [3, с. 235]. Еще две смерти объединяют эти романы, смерти тех персонажей, которые в рикеровском смысле самоидентичны и противопоставлены самости Поля и Маркуса. Смерти Анны и Карла случайны и нелепы тем, что они не «в порядке вещей», так как они сами, каждый по-своему, разрушили порядок, связывавший их с их предками, отказались одновременно не только от наследства, но и от самих себя.

Итак, оба романа «Французская жизнь» Жан-Поля Дюбуа и «Неосознанность» Тьерри Эсса, являясь свидетельством семейной истории нарратора, должны рассматриваться не только в рамках жанра «*romans de filiation*», к которому они, безусловно, относятся, несмотря на их различные нарративные техники – иронический модус, прямую и несобственно-прямую речь, политические и мифологические аллюзии. Однако когда в этих романах в ходе повествования помимо семейной истории, основной для «*roman de filiation*», появляется также тема национальной истории, они выходят за рамки этого жанра и должны рассматриваться как «места памяти». Причем эти романы по принципу *mise en abîme* включены в разветвленную сеть воспоминаний, а их нарраторы сами являются, по выражению Пьера Нора, и «человеком-памятью», и «местом памяти».

Как «человек-память» их нарратор, как и в жанре «*roman de filiation*», выстраивает свою личную идентичность. А как «место памяти» тот же нарратор, в чьем повествовании оживают семейные воспоминания, выстраивает национальную идентичность. Описанное жанровое своеобразие романов позволяет проанализировать их с точки зрения теории Поля Рикера о повествовательной идентичности, которая опирается на концепты самости (*ipséité*) и самоидентичности (*mêmeté*). Разворачивая во времени свое повествование, нарратор в этих романах параллельно с национальной идентичностью создает свою личную идентичность, трактуемую Полем Рикером как самость. Его самость противопоставлена в романах самоидентичности тех персонажей романов, которые отказываются поддерживать, пусть часто сложные и противоречивые, отношения с семейной историей. Тех, кто разрывает «призрачные нити памяти», ожидает в романах смерть, которая нелепым образом нарушает жизненный порядок. Для обоих нарраторов родительский дом становится не только материальным воплощением места памяти, но и символическим. Он помогает им нести груз воспоминаний об умерших и ответственность в первую очередь за свою собственную судьбу.

Список литературы

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992. 526 с.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 447-483.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1. 406 с.

5. Журди Н. В. Повествовательная форма как одна из основных категорий грамматики нарратива: к вопросу о свободно-косвенном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 81-86.
6. Косиков Г. К. К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени) // Проблемы жанра в литературе средневековья. М.: Наследие, 1994. Вып. I. С. 45-87.
7. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
8. Сеничкина Е. П., Никитина И. Н. Иронические эвфемизмы как примета времени // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 199-201.
9. Топоров В. Н. Дерево Мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 398-406.
10. Фрай Н. Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 232-263.
11. Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Armand Colin, 1997. 159 p.
12. Demanze L. Encres orphelines. Corti, 2008. 416 p.
13. Dosse F. Entre histoire et mémoire: une histoire sociale de la mémoire // Raison présente. 1998. № 128. P. 5-24.
14. Dubois J.- P. Une vie française. Ed. de l'Olivier, 2004. 401 p.
15. Hesse Th. L'inconscience. Ed. de l'Olivier, 2012. 324 p.
16. Lipovetsky G. L'Ère du vide. Gallimard, 1983. 246 p.
17. Marseille J. La guerre des deux France. Ed. Plon, 2004. 264 p.
18. Nora P. Comment on écrit l'histoire de France? // Les lieux de mémoire, Les France / P. Nora (éd.). Gallimard, 1993. Т. III. Vol. 1. P. 11-32.
19. Nora P. Entre histoire et mémoire // Les lieux de mémoire, La République / P. Nora (éd.). Gallimard, 1984. Т. I. P. XV-XLII.
20. Ricoeur P. La marque du passé // Revue de métaphysique et de morale. 1998. № 1. P. 25-36.
21. Ricoeur P. Temps et Récit. Le temps raconté. Seuil, 1985. Т. 3. 538 p.
22. Viart D. La littérature française au présent: Héritage, modernité, mutations. Bodras, 2008. 543 p.

PLACES OF MEMORY IN CONTEMPORARY FRENCH NOVEL

Sheipak Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia
svetlana.sheipak@gmail.com

The article analyzes the genre features of a variety of modern family novel, which French critics call *roman de filiation*, by the example of the novels *French Life* of Jean-Paul Dubois and *Unconsciousness* of Thierry Hesse. The article shows that the conception of *Realms of Memory* developed by Pierre Nora can be applied to these novels. Due to the recursive effect (*mise en abîme*) the novel itself, its narrator, and the space of memories created by him become *Realms of Memory*, bound together by narration. This allows, according to Paul Ricoeur, telling that personal and national identities are simultaneously formed in novels.

Key words and phrases: family novel; Realms of Memory; narrative identity; selfhood; self-identity.

УДК 811.511.131

Филологические науки

В удмуртском языкознании междометия безоговорочно рассматриваются как часть речи. Предлагаемые некоторыми лингвистами (не из области удмуртского языкознания) критерии определения частеречной сущности междометий в языках, пожалуй, лишь подтверждают это. Разногласие во мнениях удмуртских ученых вызывает лишь проблема семантической классификации междометий, решение которой в современной удмуртской лингвистической традиции сводится к выделению таких групп междометий, как эмоциональные, побудительные и слова этикета. Неоспоримым фактом является активное использование междометий в речи героев художественных произведений.

Ключевые слова и фразы: междометие; часть речи; классификация; звукоподражания; слова этикета; частотность использования междометий.

Широбокова Светлана Николаевна

Удмуртский государственный университет
svshirobokova@yandex.ru

МЕЖДОМЕТИЯ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ, ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ©

Данная работа предполагает краткий обзор вопроса частеречной сущности междометий, а также их классификации и частотности употребления в удмуртских художественных произведениях.

Вопрос о частеречной сущности междометий в удмуртском языкознании не является спорным, поскольку междометия безоговорочно рассматриваются как части речи. К данным словам невозможно